

Д1222
129
Ран 4к
ком

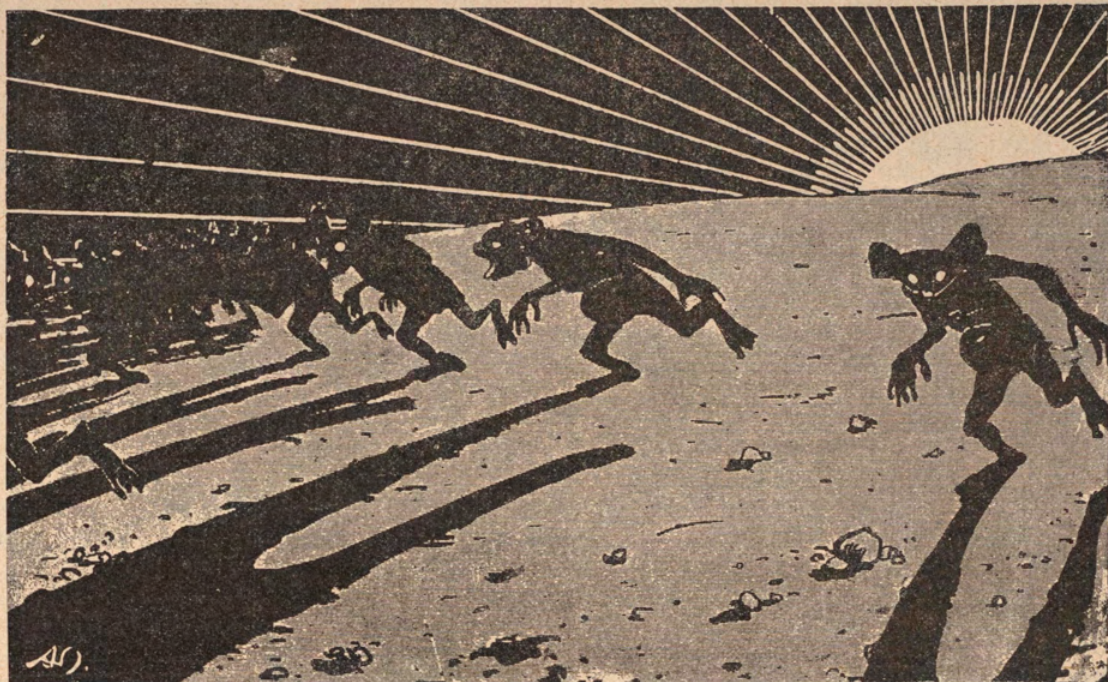
ВѢСТЬ.

1906.

Цѣна отдѣльнаго нумера 10 коп.

№ 1.

С в ѣ т а е т ъ.

Царство мрака и ночи. Царство старыхъ ночныхъ тѣней. И вдругъ... шепотъ, шепотъ испуга.

— Свѣтаетъ? кто говоритъ: свѣтаетъ? гдѣ вы видите свѣтъ?...

То шепчутъ ночныя тѣни одна другой.

На востокъ, въ этомъ вѣчно-черномъ небѣ загорѣлась свѣтлая полоса. Она расширяется, и все темное въ ужасѣ начинаетъ колебаться. И одна за одной зашевелились тѣни и поползли на сѣверъ. Но нѣтъ, поздно ползти, надо бѣжать!.. и бѣгутъ тѣни, одна за одной, дальше, скорѣе дальше отъ той свѣтлой полосы.

— Бѣгите, бѣгите, развѣ не видите? конецъ нашему царству, идетъ свѣтъ, наша гибель. Прячьтесь въ овраги, переулки, подвалы, — переждемъ тамъ. Не вѣченъ же свѣтъ! Опять придемъ, опять возьмемъ и обнимемъ все своими тѣлами. Опять все будетъ наше.

Ярчеи ярчѣе свѣтлѣетъ полоса. Тѣни мечутся подъ лучами зарождающагося свѣта и, застигнутыя имъ, таютъ, гибнутъ.

— Видите, — съ отчаяніемъ шепчутъ онѣ одна одной, — свѣтаетъ, совсѣмъ свѣтаетъ. Уже люди выходятъ на работу. Имъ нуженъ свѣтъ. Имъ его всегда мало. Они хотятъ вѣчнаго свѣта! А намъ, старымъ ночнымъ тѣнямъ, погибать, намъ уже нѣтъ мѣста на землѣ! Свѣтъ гонитъ насъ изъ овраговъ, подваловъ и переулковъ. Нѣтъ у него къ намъ жалости, какъ не было у насъ ея къ людямъ, когда они кротами ползали въ нашемъ царствѣ.

Такъ шепчутъ старыя, умирающія, ночныя тѣни и шепотъ ихъ становится все тише и тише.

Когда у тѣней проснулась совѣсть, значитъ вѣрно — свѣтаетъ! значитъ близокъ конецъ тѣней.

Все тише и тише ихъ шепотъ. Онъ теряется, онъ, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ въ могучемъ гимнѣ утра.

Свѣтаетъ, свѣтаетъ! Вставайте, поднимайтесь, идите смѣло на свободную работу! Нѣтъ больше старыхъ ночныхъ тѣней. Кончилось царство мрака!

Б о г а т ы р и.

Охъ, вы гой еси, добры молодцы,
Удалы богатыри, непрославленны.
Не въ поляхъ-лугахъ вы рубилися,
За столомъ перомъ вы подписывали
Циркулярчики благодатные,
Благодатные — непонятные.
Такъ писали они, обнимались,
Обнимались — цѣловались.
Только разъ пришелъ къ нимъ мудрецъ одинъ.
Говоритъ онъ имъ громкимъ голосомъ:
„Вы скажите мнѣ, люди добрые,
Какъ мнѣ свѣтъ найти или счастье тожъ?“
„Проходи-ка ты своей дорогою“, —
Рекъ одинъ изъ нихъ, принакупившись, —
„А не то, гляди! — ты заплатишься
Головой своей, тароватою.“
„Нѣтъ постой, погоди, братецъ миленькій“, —

Говоритъ другой, улыбаяся. —

„Я ему скажу, гдѣ онъ свѣтъ найдетъ,
Гдѣ онъ свѣтъ найдетъ или счастье тожъ.
Ты иди, старина, въ ту сторонушку,
За далекое море синее,
Гдѣ телушка стоить дешево,
Лишь одну деньгу, деньгу мѣдную,
Гдѣ въ рѣкахъ одно молоко течетъ,
Берега-жъ у рѣкъ все кисельные.
Тамъ ты свѣтъ найдешь или счастье тожъ.“
Засмѣялся старикъ, головою затрясъ:
„Эхъ вы головы, дуболобыя,
Счастье свѣтъ-то здѣсь, о бокъ васъ стоитъ,
Только взять его не сумѣете,
У васъ руки-то сильно грязныя.“
И пропалъ изъ глазъ, только пыль пошла.
Оглянулись молодцы... и чихнули въ-разъ.

Преступникъ.

О, какъ сейчасъ себя я презираю!
 О, какъ отъ злости изнываю!
 Съ какимъ восторгомъ отчищаю
 Заржавленный, запущенный кинжалъ!
 Я твердо приговоръ себѣ провозглашаю,
 Себя за преступленье на смерть осуждаю,
 И самъ, съ великой радостью, вонзаю
 Въ себя отточенный кинжалъ!
 Моментъ... и кровью истекаю,
 Свой грѣхъ смертельный смертью искупаю,
 И, благодарный, прижимаю
 Къ устамъ испуганный кинжалъ!

Н. Е. Дубасовъ.

СОНЪ.

Тихая, теплая ночь. Вѣтерокъ слегка колыхаетъ деревья и далеко разноситъ запахъ сирени, убаюкивая чуткое сердце задушевною мелодіей.

Какъ легко дышется въ такую ночь, когда воздухъ напоенъ ароматомъ, когда свѣжій вѣтерокъ нѣжно обвиваетъ и цѣлуетъ лепестки сирени, стараясь прильнуть къ наболѣвшей груди человѣка и съ нимъ навѣки затихнуть...

Мгновенно все измѣнилось... Небо покрылось тучами, сверкнула молнія и грянулъ громъ... Вѣтеръ въ неистовомъ бѣшенствѣ завылъ и засвисталъ, несясь надъ землею ураганомъ...

Вдругъ среди черныхъ тучъ вдалекѣ загорѣлась звѣздочка; стала расти и расти и превратилась въ дивную, чудной красоты дѣвушку...

Гроза застыла въ безмолвіи.

На ея головкѣ былъ одѣтъ вѣнокъ изъ розъ, шипы которыхъ съ яростью впивались въ прозрачное тѣло богини, и капли крови медленно сбѣгали по ея лицу. Въ правой рукѣ она держала знамя. И вся, залитая яркимъ лучемъ свѣта, была бесконечно и дивно хороша...

„Люби меня, одну меня!“ — произнесла она и скрылась...

И снова тихая, теплая ночь, снова вѣтерокъ цѣлуетъ лепестки сирени и тихо рыдаютъ ночные аккорды.

Наль.

Голодъ идетъ!

Черныя тучи висятъ надъ землею,
Ходятъ, собираются тѣсной толпою.

Вихрь несется,
Проснулись поля,
Дрогнула, бьется
Родная земля.

Прячутся всѣ, кто боится невзгоды,
Ропщутъ и ждутъ роковой непогоды.
Знайте, несчастные, голодъ идетъ!
Гдѣ-бъ вы не спрятались,—всюду найдетъ.

Эй, богачи, поскорѣе за столъ!
Вашъ еще часъ не пришелъ.

Вы не хотѣли просящимъ дать хлѣба,
Видитъ все это правдивое небо!

Смерть у порога,
Спасайся народъ!
Смѣло въ дорогу:
Вѣдь голодъ идетъ!

Въ городъ идите, богатыхъ просите,
Волю народа съ собой принесите.
Каждый богатый, кто честенъ душой,
Крикнетъ призывъ бѣднякамъ дорогой:

Эй, бѣдняки, поскорѣе впередъ—
Каждый пріютъ въ моемъ домѣ найдетъ!

Голодъ въ деревнѣ стоитъ на порогѣ,
Темныя толпы идутъ по дорогѣ.

Гости непрошенны
Плачутъ, кричатъ,
Платье изношено,
Кости торчатъ.

Въ городъ идутъ по дорогѣ большой
Шумной, оборванной, грязной толпой,
Видно не знаютъ они, что ихъ ждетъ!...

.....
.....
.....

Наль.

Сказка про бояръ, про людей-человѣковъ и про камни.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, гдѣ испоконъ вѣковъ была тишь, да гладь, да Божья благодать, вдругъ, кажись—ни съ того, ни съ сего, завелись люди. Не тѣ люди-народъ, которымъ сила-власть въ томъ царствѣ-государствѣ поддерживалась; не тѣ люди-народъ, что хлѣбъ, и соль, и одежды бархатныя да камни самоцвѣтные для бояръ своихъ добычками были.

Завелись люди особые—человѣки.

Что ни говорятъ бояре промежъ себя, что ни дѣлаютъ,—все знать хотятъ, все спрашиваютъ, къ чему, да зачѣмъ, да надо-ли? А не отвѣтятъ бояре или недовольны ими останутся, такъ сейчасъ и къ отвѣту требуютъ. Даже больше пошло. Что имъ, людямъ-человѣкамъ, не нравится,—говорятъ „не надо“ и дѣлать такъ боярамъ не позволяютъ.

Поначалу-то, не съ привычки, стали было бояре прислушиваться и кое-что по желанью тѣхъ людей-человѣковъ дѣлать—исправлять. Но, спасибо, надоумилъ добрый человѣкъ. Спихватились съ полъ-времени: нечего людямъ-человѣкамъ, незнатнымъ, повадку давать, о дѣлахъ не своего ума разговаривать, да старшихъ недовѣріемъ и грубостями обижать.

Сказано—сдѣлано. Перво-на-перво такой приказъ по всему царству-государству вышелъ, чтобъ никто ничего безъ приказа дѣлать бы не смѣлъ. Для большей острастки нарядъ стражи и войско несмѣтное во всѣ концы своего царства-государства разослало.

Сдѣлали—посмотрѣли. Дѣлать люди-человѣки ничего не могутъ, связаны и подъ присмотромъ находятся. Дѣлать-то не дѣлаютъ, а сами говорятъ, что неправильно съ ними бояре поступаютъ, и зовутъ народъ бояръ не слушаться и, какъ стража-войско запируется, что-то по-своему сдѣлать.

Посмотрѣли бояре, подумали, пообсудили и заказали людямъ-человѣкамъ слово про дѣло говорить, людишекъ-народъ смущать.

Сказано—сдѣлано. Приказъ издали и нарядъ стражи и войско несмѣтное во всѣ концы своего царства-государства разослало.

Сдѣлали—посмотрѣли. Стоятъ люди-человѣки, про дѣло ни гу-гу. Не въ моченьку очень ужъ стража-войско на нихъ навалилось. Ни гу-гу, а сами повадку новую завели, все смѣются надъ боярами да въ лицо имъ улыбаются и все укорительно.

Посмотрѣли бояре, подумали, осерчали и запретили людямъ-человѣкамъ смѣяться да на бояръ со всякою улыбкою смотрѣть, ни съ веселою, ни со злобною.

Сказали—сдѣлали. Приказъ издали и нарядъ стражи и войско несмѣтное во всѣ концы своего царства-государства разослало.

Сдѣлали—посмотрѣли. Не смѣются люди-человѣки, не говорятъ про дѣла и дѣла никакого не дѣлаютъ, а стоятъ и горькими слезами по роднымъ плачутъ. Очень ужъ нарядъ-стража и войско несмѣтное на нихъ насѣли.

Плачутъ, ручьями разливаются и спокой-радость бояръ нашихъ нарушаютъ.

Посмотрѣли бояре, подумали, порѣшили и приказъ издали: веселиться всѣмъ людямъ-человѣкамъ, въ бубны бить и въ трубы играть. А для большого веселія коноводовъ-пѣсельниковъ отъ себя, бояръ, поназначить.

Сказано—сдѣлано. Приказъ издали и нарядъ стражи и войско несмѣтное во всѣ концы своего царства-государства разослало.

Сдѣлали—посмотрѣли. Все хорошо-ладно, музыка играетъ и кто-то пѣсни поетъ. Стоятъ люди-человѣки, а кругомъ да около нарядъ стражи, войско несмѣтное и отъ бояръ люди наряженные слухъ боярскій всѣми средствами ласкаютъ и всякія пріятности доставляютъ.

Пируютъ бояре въ палатахъ каменныхъ, пьютъ зелено вино да съ заморскими красавицами забавляются. Лучше-бы и не надо. Тутъ бы и сказкѣ конецъ. Да видно не такъ суждено было въ томъ царствѣ-государствѣ порядку пойти.

Замолчали люди, но запомните, дѣти, была бы правда, тогда если и люди замолчатъ, то камни заговорятъ. И въско и властно ихъ слово.

Заговорили камни, и обрушились съ грохотомъ на пирующихъ бояръ, неправедныхъ, ихъ палаты каменные, засыпали, погребли ихъ камнями тяжелыми, вѣчными.

Видитъ нарядъ-стража и войско несмѣтное то чудо явное. Вѣрно,—говорятъ,—правда-то у людей-человѣковъ была, а не у бояръ-знати.

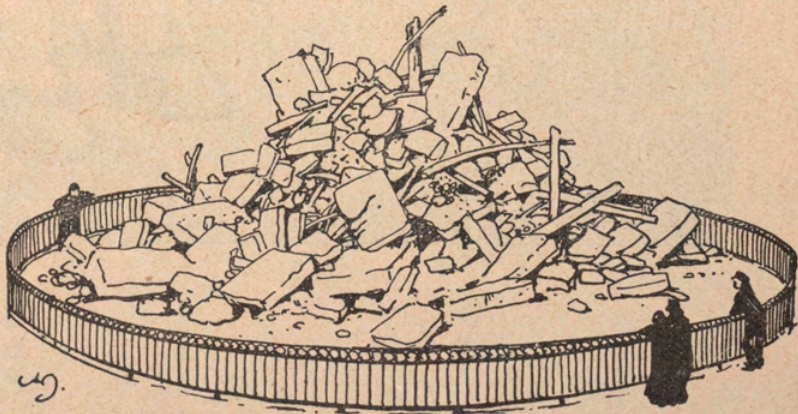
Отпустили нарядъ-стража и войско несмѣтное всѣхъ людей-человѣковъ въ полную волю-волюшку. Отпустили и на поклонъ пришли.

Обучите насъ вашей правдой-истиной, поравняйте насъ съ собою по уму-разуму.

Обрадовались люди-человѣки, нарядъ-стражу и войско несмѣтное обняли, въ уста поцѣловали и братьями называли. Тутъ ужъ правду-истину скоро всѣ въ томъ царствѣ-государствѣ узнали и увидѣли, стали въ мирѣ поживать да счастья наживать.

А потомкамъ въ назиданіе и сосѣдямъ въ поученіе ту грудку камней отъ палатъ боярскихъ середь государства оставили. Такъ и до сихъ поръ лежатъ тѣ камни вѣчные, непреклонные, за правду-истину постоявшіе, и отъ всѣхъ имъ большое уваженіе.

Такъ-то, дѣти, помните, была-бы правда, а тамъ, если и люди замолчатъ, то камни свое слово скажутъ.

ИЗЪ КАЛЕНДАРЯ.

Ахъ, скорѣ Думу!.. Отъ оковъ приказныхъ
Въ Думѣ только видимъ силу и спасенье.
Отъ разстрѣловъ злостныхъ, отъ насилій разныхъ,
Отъ нагаекъ, пушекъ,—лопнуло терпѣнье.

* * *

„Ахъ, скорѣ Думу!“—всѣ кричатъ граждане...
И юнецъ и старецъ—Думою всякъ бредить...
Даже нынче просятъ Думу и дворяне...
Думы же все нѣту, Дума все не ѣдетъ...

Старыя погудки на новый ладъ.

Что городъ—то арестъ, что деревня—то пожаръ.
Народъ рубятъ—бомбы летятъ.
Кто правду напишетъ, тому обыска ждать.
Казаки и кнутъ всѣхъ всколыхнуть.
Семь разъ повѣсь, а одинъ убьютъ.
Отъ своей камеры не уйдешь.

Тяпъ-Ляпъ.

Бояться несчастія — не видать и счастья.

Императоръ Петръ I.

Русскій языкъ въ школахъ прибалтійскаго края
преподается какъ иностранный, или даже какъ
мертвый языкъ.

П. А. Висковатый.

Женщины, очевидно, созданы для укрощенія
мужчинъ.

Вольтеръ.

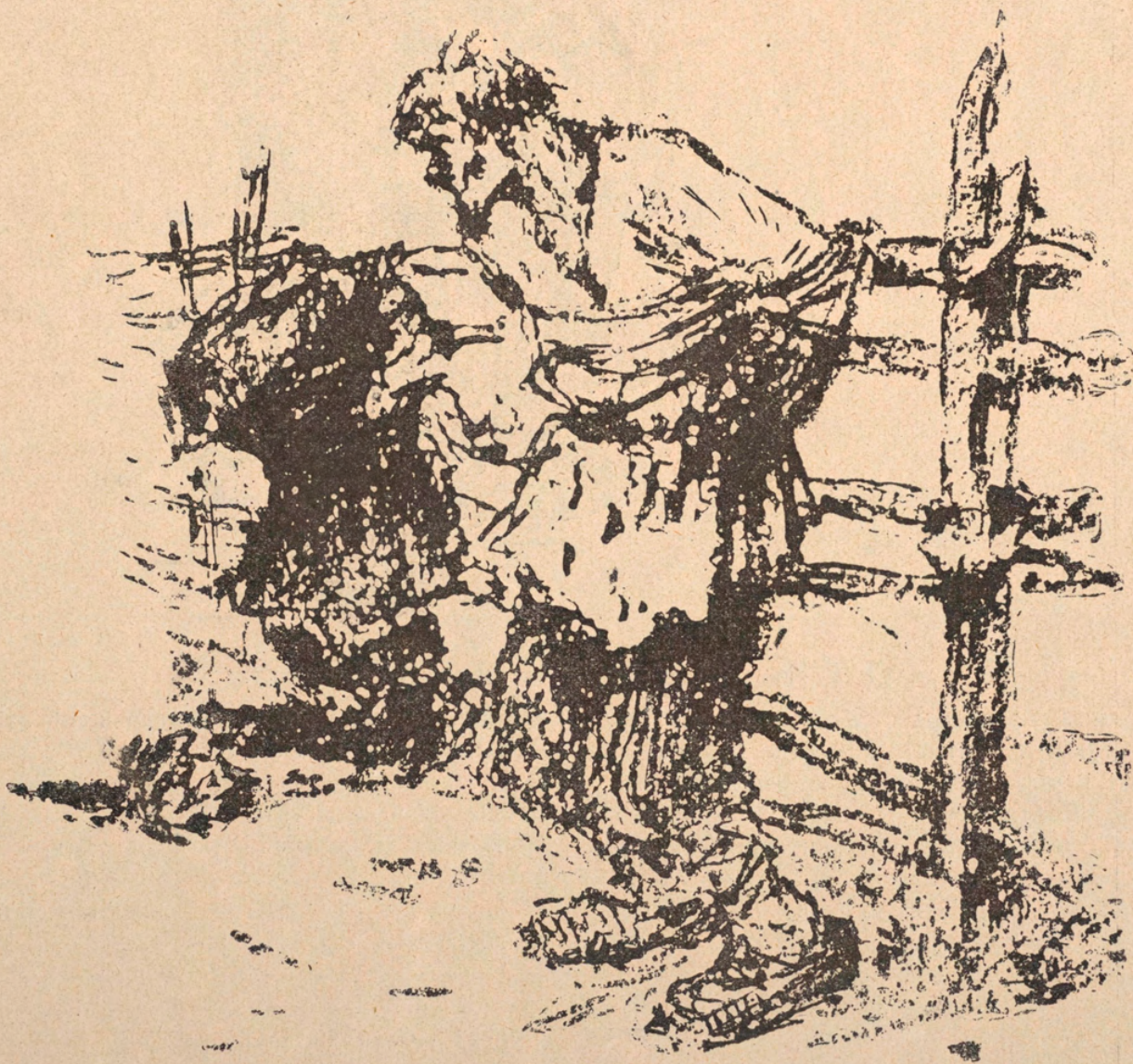
Не убьешь — тебя убьютъ.

Мольтке.

Правда и милость да царствуетъ въ судахъ.

Императоръ Александръ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Россія переживаетъ переходно-созидательную эпоху. Человѣчество—тоже. Работники культуры въ особенности не могутъ оставаться въ такое время въ бездѣйствіи. Журналъ „Свѣтаетъ“—это наша попытка дать точку приложенія силамъ всѣхъ работниковъ, безъ различія именъ, но молодыхъ душою.

Не объявляя впередъ никакихъ именъ, Редакція слѣдуетъ своему принципу: не развивать въ людяхъ ни подобострастія, ни поклоненія кумирамъ.

Первые номера, по многимъ обстоятельствамъ, будутъ выходить не въ полномъ объемѣ программы. Но Ре-

дакція надѣется на скорое прекращеніе этого періода.

Рукописи и рисунки слѣдуетъ адресовать въ Книжный Магазинъ „Коммиссіонеръ“ Садовая, 18, для Редакціи журнала „Свѣтаетъ“.

Личныя объясненія—по субботамъ, отъ 7 до 8 ч. вечера, тамъ же.

Подписная цѣна на годъ, съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи—5 р.

Продажа отдѣльныхъ номеровъ и запись на слѣдующіе принимается въ Книжномъ Магазинѣ „Коммиссіонеръ“, Садовая, 18.

Издатель Г. М. Нарышкинъ.

Отв. Редакторъ А. П. Хотулевъ.

1906.

5 Марта.

ГЛАВ

№ 2.

Цѣна 10 коп.

DK262
.R9
Raul H. 2000

М и т р и ч ь.

Вотъ шоссейная дорога,
Вонъ корчма вблизи стоитъ,
Митричъ съ сыномъ у порога
Пиво крѣпкое варить.
„Тятя! мамку-то убили
Удалые казаки,
И меня чуть не прибили
Изъ усадьбы батраки...
Тятя, глянька, что за диво?
Вонъ въ прогонѣ! Видишь тамъ?
Брось варить хмѣльное пиво,
Слышишь, гости ѣдутъ къ намъ!“
Вышелъ Митричъ, оглядѣлся:
„Ну и дурень же ты братъ!..
Иль блинами ты объѣлся?
Маршъ въ деревню, бей въ набатъ!
Вотъ пришла и намъ расплата
За свободное житье,
Эхъ, прощай, родная хата!
Заварю-жъ я имъ питье...“
Гости близко... Говоръ, крики,
Бубны весело гремятъ,
За плечами видны пики,
Плети съ пояса глядятъ.
„Ну, теперъ, кажись, состряпаль
Все, что нужно для гостей.
Важно дѣльце я обтяпаль,

Будутъ помнить, ей-же-ей!
Встрѣтитъ домъ мой ихъ богато,
Самъ же въ лѣсъ теперь уйду.
Ну, прощай, родная хата,
Я тебя ужъ не найду“.
Шапку снялъ, перекрестился,
На гнѣдого Ваську влѣзъ,
Хатѣ низко поклонился
И айда въ зеленый лѣсъ.
„Эй, хозяинъ, слышишь, что-ли!
Отодвинь скорѣй засовъ,
Выйди къ намъ по доброй волѣ,
Угости насъ молодцовъ!
Что-жъ ты, дьяволъ, шевелися,
Отворяй, проклятый звѣрь!..
Эй, Прокофьевъ, навалися!“
И слетѣла съ петель дверь.
И вошли тѣ гости въ хату,
Сняли ружья всѣ затѣмъ.
„Э, да нашему тутъ брату
Поживиться есть кой-чѣмъ!
Эй, ребята, что за диво:
Въ бочкѣ здѣсь изъ-подъ воды
Презосходнѣйшее пиво
Богъ послалъ намъ за труды.
Ну, друзья, давайте чарки:
За богатый нашъ уловъ,

Чтобъ хорошіе подарки
Привезти изъ-за лѣсовъ“.
Что такъ быстро охмѣлѣли,
Видно не пили давно!
Что-жъ вы, братцы, присмирѣли
Или пиво такъ хмѣльно?..
Вотъ и ночка наступаетъ,
Мглою мрачный лѣсъ объять,
На дорогу выѣзжаетъ
Митричъ съ дюжиной ребятъ.
„Ну, ребяташки, смотрите,
Какъ мы только подойдемъ,
Такъ амбары вы зажгите,
А избу ужъ мы зажжемъ.
Ну-те, братцы, начинайте,
Не уйдутъ они отъ насъ!
Вотъ солома, зажигайте,
Запылаетъ все сейчасъ.
Знайте, иродово племя,
Вы отходите ко сну,—
Отомстить настало время
За убитую жену...“
Скоро дымъ наполнилъ хату,
Пламя взвилось къ небесамъ,—
Такъ отмстилъ мужикъ солдатамъ,
Озвѣрѣвшимъ казакамъ.

Наль.

Не пора-ли, Сергѣй, постыдиться людей
И хоть что-нибудь сдѣлать народу!
Истощилъ ты казну, какъ послѣдній злодѣй,
Неужели не дашь ты свободу?
Ужъ и такъ отъ Европы намъ нѣту житья,
Заграницу и выѣхать стыдно—
Словно въ трубы трубятъ: „Ну, ужъ ваши края!
Не за васъ, за свободу обидно“.

—Не дурачьте меня!—графъ Сергѣй отвѣчалъ,—
Я недаромъ, вѣдь, такъ поступаю,
Да по чьей же я милости жалкимъ-то сталъ
И теперъ ни за что пропадаю?
Не свободу вамъ дамъ,—я вамъ цѣпи скую,
Ею васъ я теперъ надуваю,
А за чаркой я правду клянусь, какъ змѣю,
И свободу и васъ проклиная.

Марцелло.

ICU

Богово логово.

Сказочка.

Въ одной странѣ люди жили язычники. У нихъ было много боговъ. Всѣ боги сидѣли на одной высокой горѣ и смотрѣли за людьми. Каждый богъ смотрѣлъ по своей части. Ну, вотъ, одинъ богъ за тѣмъ смотрѣлъ, чтобы у солдатъ были каски хорошенько отчищены — такъ, чтобы блестѣли. Другой смотрѣлъ, чтобы корабли стояли, гдѣ имъ полагается. Еще одинъ смотрѣлъ, чтобы начальники воришекъ построже наказывали. Еще одинъ смотрѣлъ, чтобы на улицахъ были тишина и порядокъ, и чтобы люди въ пьяномъ видѣ не дебоширили и противъ начальства не щебаршили.

Ну, и по другимъ частямъ были свои боги. Вотъ они все сидѣли и смотрѣли, и какъ что не по нимъ, сейчасъ громъ и молнія — разносъ виноватому.

Вотъ люди язычники и говорятъ промежъ себя:

— Воскуримъ-ка имъ фиміаму, — они хотъ и боги, а все-таки имъ, поди, лестно фиміаму понюхать.

И сейчасъ, какъ сказали, такъ и сдѣлали съ очень большимъ усердіемъ: сложили множество каменныхъ алтарей, навалили на нихъ большіе костры дровъ, фиміамомъ сверху полили и все это сразу зажгли.

Пламя колыхаетъ чуть не до неба, дымъ еще выше идетъ и прямо къ богамъ. А люди язычники стараются: и они къ кострамъ день и ночь ходятъ, и они дровъ подваливаютъ, и они фиміаму подливаютъ.

На горѣ, гдѣ боги сидѣли, очень сладко запахло. Всю ту землю отъ боговъ дымнымъ облакомъ заволокло, и всю гору пахучимъ дымомъ закоптило, — а богамъ очень это понравилось. Сидятъ, отъ удовольствія жмурятся, лики у нихъ очень веселые и даже блаженные, — сидятъ, нюхаютъ и чихаютъ. И такъ они въ дыму-то этомъ угрѣлись и начихались, что все сидятъ и дремлютъ, и ничего на землю не видятъ, да и смотрѣть не хотятъ.

Все бы это было ничего себѣ, хорошо, да вотъ разъ пришелъ въ ту землю очень большой человѣкъ. И такой онъ былъ несоразмѣрный большой, что какъ ни ступить, такъ или домъ повалить, или человѣка-язычника раздавить.

Вотъ идетъ большой человѣкъ и видитъ: стоитъ гора довольно высокая, вокругъ нея внизу крохотные огонечки поблескиваютъ, вся она дымомъ заволочена и очень хорошо пахнетъ. Понравилось это большому человѣку.

„Дай, — думаетъ, — сяду, посижу, отдохну“.

Сѣлъ на гору, сидитъ, трубку покуриваетъ, ногами побалтываетъ, — и совсѣмъ ему ни къ чему, что такое подъ нимъ дѣлается. И не знаетъ того, какихъ онъ дѣлъ надѣлалъ.

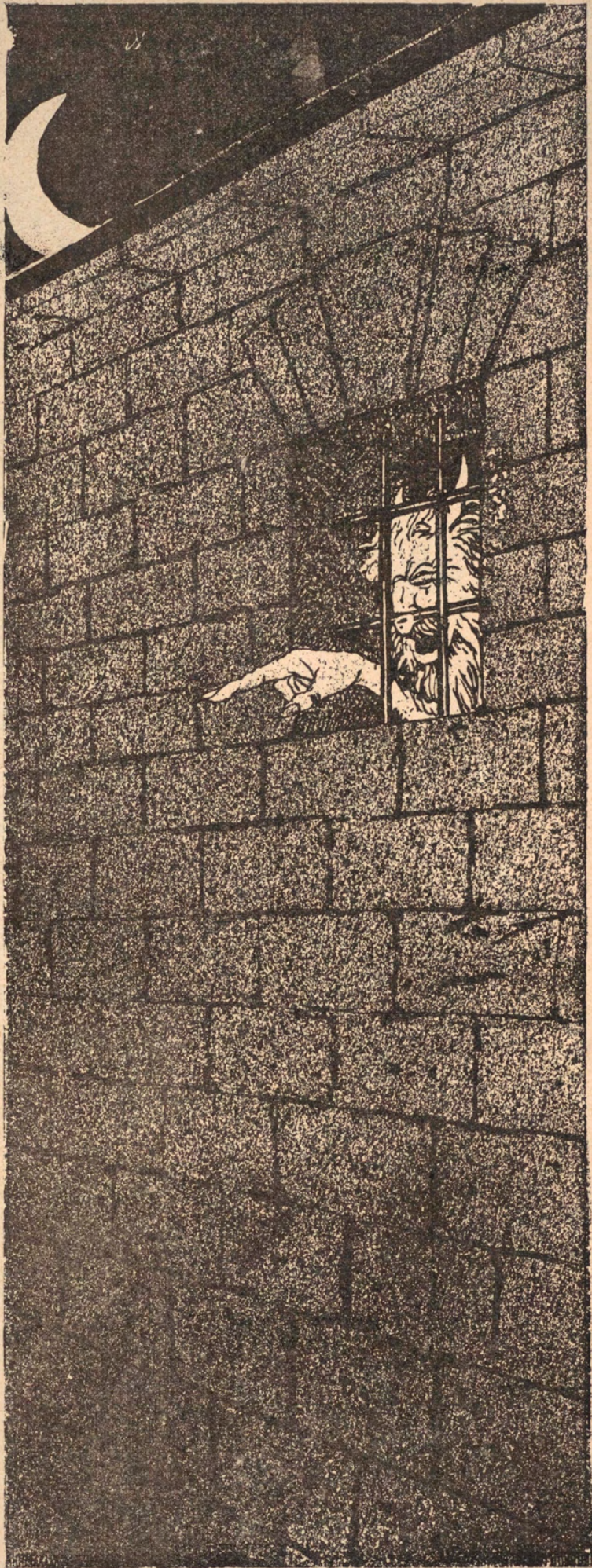
Такъ это онъ аккуратно усѣлся на самое богово логово, что всѣхъ боговъ разомъ задавилъ, совсѣмъ начисто. Только отъ боговъ мокренько осталось и сокъ внизъ по горѣ потекъ.

Посидѣлъ большой человѣкъ и пошелъ дальше, куда ему надо было. А мальчишки-язычники, подъ горой бѣгаючи, на боговы потоки набѣжали, видятъ: текутъ ручьи бѣлые, пахнетъ хотъ и сладко, да погано. Сейчасъ живымъ духомъ сбѣгали домой, сказали большимъ язычникамъ.

Какъ ужъ тамъ дальше было, какъ въ этихъ дѣлахъ люди-язычники сообразились, точно не знаю. А только они узнали, что это боговы соки съ горы потоками текутъ: не то имъ это Сивилла ихняя разгадала, не то колдунъ, или они по наукамъ дошли, но только все дѣло обнаружилось. Сначала имъ конфузно было, — старики пошебаршили малость:

— Какъ такъ, — говорятъ, — по какому праву. Да гдѣ это показано — боговъ давить. За это такъ можно отвѣтить...

Но только видятъ, грома-молніи нѣтъ, и все происходитъ очень обыкновенно. Раскидали тогда они алтари, фиміамы своимъ дѣвкамъ гулящимъ отдали, а сами больше не захотѣли въ язычникахъ оставаться, — всѣ въ русскую вѣру перешли и въ Сафатъ-рѣкъ очень дружно окрестились.

Если пѣсня твоя, какъ болото, мертва,
Если пламя не пышетъ надъ ней,
И тосклива она, какъ больная трава,
И какъ шелестъ робка камышей,

Если въ сердцѣ она не способна будить
Пламя мести, борьбы наслажденье,
Если можетъ она только робко любить
И мечтать о своемъ избавленьи,—

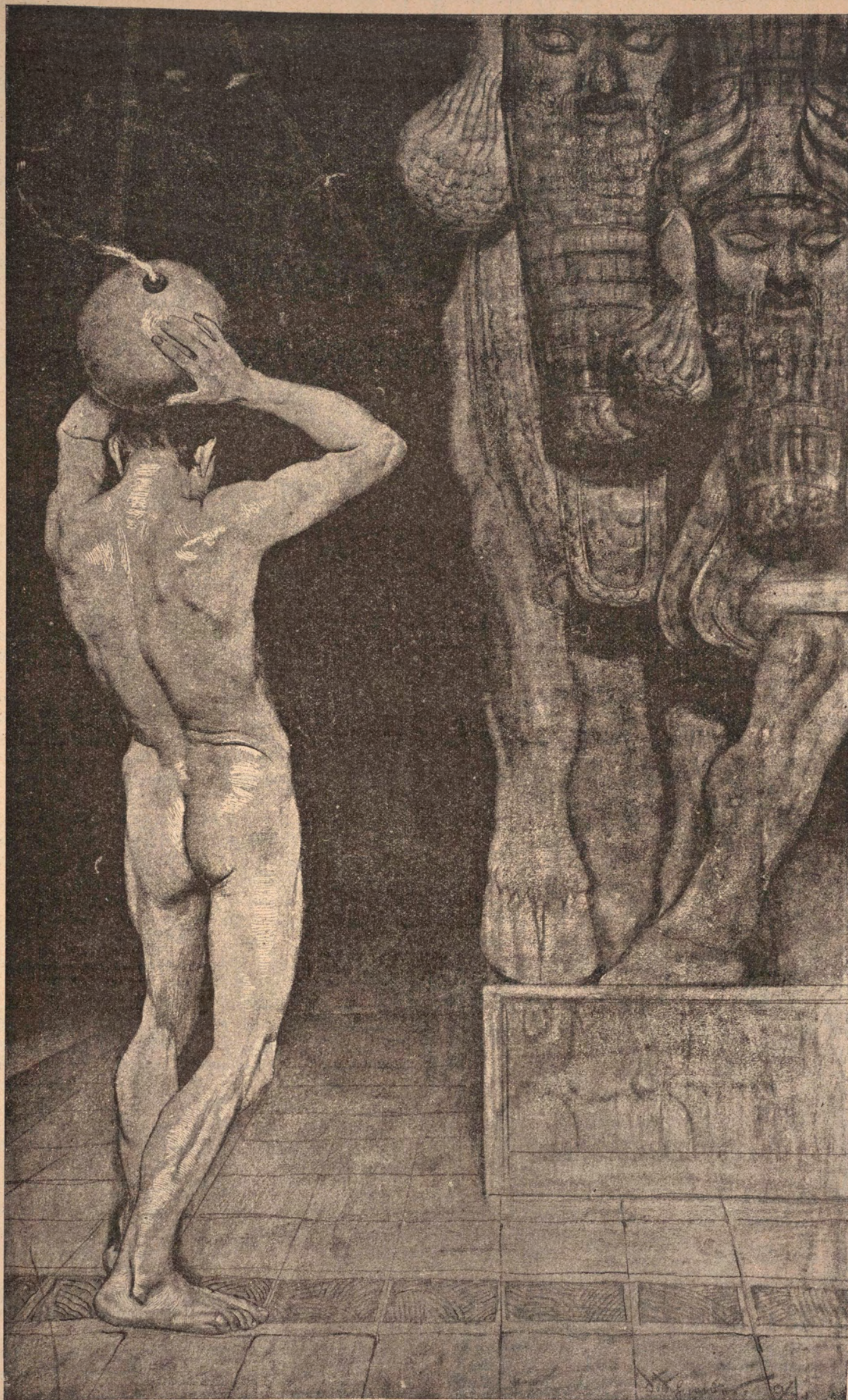
Если такъ, о, поэтъ! свою пѣсню тоски
Ты не пой для толпы пробуждѣнья,
Отъ нея ты услышишь насмѣшки одни
И озлобленный хохотъ презрѣнья.

Если-жъ вольнымъ орломъ на могучихъ крылахъ
Она можетъ, очами блистая,
Унести, потонуть въ голубыхъ небесахъ,
За собою другихъ увлекая,—

Если такъ, о, тогда становись впереди:
Мы, какъ буря, пойдемъ за тобою,
И пусть пѣсня твоя будить въ нашей груди
Вдохновенье для битвъ золотое!

Пусть она, какъ ручей, говоритъ о веснѣ
И поетъ о грядущей свободѣ,—
Мы откинемъ свой страхъ и сплотимся дружныи
И навстрѣчу пойдемъ непогодѣ!

К. Апостоль.

Провокаторъ.

Вы спрашиваете, почему я сегодня не веселъ? Тяжелую исторію слышалъ я днемъ; все стоитъ она ясніѣ всѣхъ моихъ мыслей, страшнѣ ихъ.

Вы знакомы съ Владиміромъ Тимофеевичемъ?—значить, знаете и его ближайшаго друга Протолку. Да, они были настоящіе друзья, никогда ничего не говорили другъ про друга, всегда видѣли мы ихъ вмѣстѣ и называли ихъ братомъ и сестрой, мужемъ и женой. Только квартиры ихъ, по какимъ то обстоятельствамъ, были въ разныхъ концахъ города, и потому вечеромъ одинъ изъ друзей обязательно провожалъ другого до дому. Да, впрочемъ, вы все это знаете.

Видалъ я Протолку послѣдній разъ недѣли съ три тому назадъ, когда впервые было громко высказано о необходимости для дѣла освобожденія Россіи вооруженнаго возстанія.

Вотъ въ этой самой комнатѣ собралось тогда человѣкъ двѣнадцать—пятнадцать, все довольно близко сошедшихъ между собой людей. Говорили о многомъ, и о лучшихъ способахъ вооруженія, и о томъ, какъ и кто изъ насъ полнѣе могъ бы использовать свои силы въ необходимо находящій моментъ.

Каждый строилъ свои планы, у каждого было уже твердо рѣшено, что онъ долженъ дѣлать, гдѣ онъ долженъ находиться въ эти страшные дни.

— Вооружайтесь, — сказалъ задумчиво Протолко, — какъ странно!..

— Что-же страннаго?

— Какъ вообще можно вооружаться? Какъ въ силахъ я вооружиться, напримѣръ?..

И всѣмъ сразу стало дѣйствительно яснымъ, что странно было бы видѣть нашего честнаго, убѣжденно отрицающаго всякую насильственную смерть, яраго врага смерти—потому онъ и былъ медикомъ—Протолку съ какимъ либо оружіемъ въ рукахъ.

Прошла пауза...

— Ну васъ и уколошатъ. И не казаки даже, а просто какой-нибудь пьяный хулиганъ, — возразилъ, наконецъ, кто-то.

Намъ опять стало яснымъ, что такъ и будетъ, и убьетъ нашего Протолку первый попавшійся на улицѣ буйный пьяница.

Стали тогда сообща думать: и Протолку жалко, и свобода убѣждений... Додумались вооружить Протолку обыкновеннымъ револьверомъ, но безопаснымъ,—заряженнымъ лишь холостыми патронами.

Напугать можно хорошо, а жизнь все-таки останется въ святой неприкосновенности, убійства Протолко не совершить, да еще и нападающаго на него избавить, въ свою очередь, отъ убійства. По крайней мѣрѣ двѣ жизни будутъ вырваны у смерти.

Протолко долго не соглашался съ нами, но послѣдній аргументъ нѣсколько подѣйствовалъ, и онъ сдался.

Вчера, да это было вчера, а какъ кажется невѣроятнымъ, невозможнымъ то, что было вчера.

Вчера Протолко провожалъ Владиміра Тимофеевича. Тотъ живетъ въ самомъ центрѣ, на Гороховой. Поговоривъ у воротъ, по обыкновенію, они пожали другъ другу руки и Владиміръ Тимофеевичъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, къ себѣ, домой. Почти въ ту минуту, когда онъ вошелъ въ свою комнату и хотѣлъ начать раздѣваться, на улицѣ раздался выстрѣлъ. Володя прильнулъ къ окну лицомъ и увидѣлъ...

Да, все произошло такъ... Простите, я волнуюсь, я не могу...

Протолко повернулся; чтобы итти домой. Вдругъ онъ услышалъ откуда-то крикъ: „То...ва...ри...щи!.. то...ва...ри...щи!..“ Ужасный, хватающій за душу крикъ. То, удушася, онъ замолчалъ, то вновь подымался, и все ближе и ближе казался онъ Протолкѣ.

Съ одного конца улицы ѣхалъ извозчикъ. Съ другого ѣхалъ патруль въ пять казаковъ...

„То...ва...ри...щи!..“—снова крикъ,—крикъ, теперь ясно, съ правой стороны, отъ извозчика.

Патруль приближался тихо, спокойно.

Извозчикъ все ближе къ Протолкѣ. Онъ видитъ заиндѣвѣлую лошадь,—кое-какъ бѣжитъ. Извозчикъ—какъ обычно, буднично. Наконецъ, сѣдокъ. Нѣтъ, сѣдоки, или, что такое?

„То...ва...ри...щи!..“ Блеснула бляха на шапкѣ.

Да, вотъ въ чемъ дѣло... Дворникъ сидитъ. Въ ногахъ у него человѣкъ. Дворникъ нажимаетъ его голову книзу, давитъ его самого колѣнами.

Казаки проѣхали мимо.

„То...ва...ри...щи!..“—хриплый возгласъ уже рядомъ съ Протолкой. Товарищи, вооружайтесь!—можетъ мелькнуло въ головѣ Протолки или, вѣрнѣе, звѣрь, онъ задушить его!

Вспомнилъ про револьверъ, выхватилъ его.—Не смѣй душить!—крикнулъ и выстрѣлилъ въ дворника, и бросился выручать товарища.

Владиміръ Тимофеевичъ примкнулъ лицомъ къ стеклу.

Топотъ, повернули казаки. Извозчикъ старается умчаться на своей лошадекѣ. За нимъ, съ выбившимся куделькомъ на лбу, Протолко.

Испуганное лицо дворника. Лошадиная морда. Мохнатая шапка. Снова выстрѣлъ Протолки. Что-то высоко блеснуло полосой. Опустилось на голову Протолки. Онъ упалъ. Казакъ, другой, третій скачутъ черезъ него. Два остановились. Наклоняются. Бьютъ, сѣкутъ шашками.

Стекло раздавливается, сыпятся осколки, что-то течетъ по лицу. Владиміръ Тимофеевичъ бросается вонъ изъ комнаты.

Скорѣй, скорѣй, на улицу.

Ворота заперты. Стучить, дико, безумно стучить. Никто не подходитъ. Всѣ заняты. Тамъ, на улицѣ, шумъ. Ворота желѣзные, не собьешь.

— Ишь, какъ вы его, сукина сына,—сразу на смерть!..

Кто-то подходитъ. Говорить начальническимъ тономъ: Что, какъ? живъ?

— Замертво, ваше благородіе!

— Осмотрѣть револьверъ.

Кто-то у воротъ шепчетъ: „Убили, мерзавцы!“

Собирается толпа, гудитъ: „Убійцы!“

— Осталось три патрона, ваше благородіе, холостые.

— Какъ? что?.. Разогнать подлецовъ!

Снова топотъ. Снѣгъ хруститъ. Бѣгутъ люди, свистятъ нагайки, падаютъ на что-то мягкое, отрываются стоны и гуль, гуль!..

— Это, ваше благородіе, нашъ, навѣрно.

— А-а?.. жаль, что... совсѣмъ его...

— Дуракъ онъ, ваше благородіе, чего палитъ зря, не предупредивши...

Владиміръ Тимофеевичъ снова стучитъ. „Сердце, гдѣ ты?“ Подходитъ снаружи дворникъ и отмыкаетъ, наконецъ, замокъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ лежитъ Протолка. Голова разсѣчена. Страшная расщелина. На плечѣ тоже. Красный снѣгъ, какъ тогда, девятого января. Пальто все разодрано. Промчались лошади, прыгали шашки. Рука, почему рука лежитъ такъ странно?

— Что?—сухимъ голосомъ спросилъ къ чему-то Владиміръ Тимофеевичъ.

— Провокатора убили,—говоритъ, радостно улыбаясь, юный, совсѣмъ юный, рабочій и вдругъ добавляетъ съ озлобленіемъ: —собакъ собачья и смерть!—и сплевываетъ.

Откуда-то издалека, слѣва, доносится вырвавшийся изъ удушья, осиплый крикъ: „То...ва...ри...щи!“

Справа возвращаются казаки.

Они ѣдутъ тихо, спокойно.

Ломѣнь.

ВЪ ЛѢСУ.

Быль лѣсъ. На самомъ краю росли три дерева: сосна, ель и береза.

Росли и мечтали о будущемъ.

Пришелъ человѣкъ и срубилъ ихъ.

Сдѣлалъ висѣлицу, гробъ и крестъ.

И нѣтъ мечты...

Марни.

ИЗЪ КАЛЕНДАРЯ.

Прекрасное есть—жизнь. *Н. Чернышевскій.*

✂

Достоинъ тотъ имѣть, кто умѣетъ мужественно и самоувѣренно искать. *Шекспиръ.*

✂

Потерянное оружіемъ—возвращается, но нарушение данного слова невозвратно; отступить отъ чести—то же, что не быть государемъ.

Императоръ Петръ I.

✂

Власть опьяняетъ. *Канилеръ кн. Горчаковъ.*

✂

Люди неисправимы: опытъ ихъ ничему не научаетъ. *Наполеонъ I.*

✂

Высшій Божій даръ, это—способность возмущаться всѣмъ дурнымъ. *Гёте.*

✂

Уши слышать, очи видятъ—и вѣры не имутъ. *М. Е. Салтыковъ.*

✂

Могила храбраго отечеству священна. *Озеровъ.*

✂

Москва, я думалъ о тебѣ! *А. С. Пушкинъ.*

СТАРЫЯ ПОГУДКИ НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

Не красна Дума умами, а красна чинами.

Витте о двухъ головахъ, да завирается.

Пока Дума сберется—вороны глаза выключаютъ.

Кому крестъ, кому чинъ, кому весь генераль.

Сколько займется, столько и поживется.

Тяпъ-Ляпъ.

